

НИКИФОР АЛЕКСЕЕВИЧ БЕГИЧЕВ К 145-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

19 февраля 2019 года исполнилось 145 лет со дня рождения выдающегося русского арктического исследователя, навечно вписавшего свое имя в историю освоения Арктики, Никифора Алексеевича Бегичева.

Он родился в городе Царева, расположенном на берегу одной из протоков Волго-Ахтубинской поймы, в дружной, сплоченной, многодетной семье. Рос он крепким, сильным, с явными задатками лидера. Ему часто приходилось работать с братьями на путине в дельте Волги, на Каспии. Именно здесь зародилась его любовь к морю. Когда пришло время армейской службы, Бегичев попросился на флот.

В 1895 году началась его служба в Кронштадте в пятом флотском экипаже. Окончив в 1897 году школу квартирмейстеров, после восьмимесячного заграничного плавания Бегичев получил этот первый унтер-офицерский чин. Три года службы на учебном крейсерском фрегате «Герцог Эдинбургский» дали ему великолепную закалку и профессиональные морские навыки, позволили повидать мир. В 1899 году, когда «Герцог Эдинбургский» готовился к новому походу, на судне появился незнакомый лейтенант, он, как выяснилось, набирал добровольцев в команду судна «Заря», на котором русская полярная экспедиция под руководством Э.В. Толля отправлялась в Северный Ледовитый океан на поиски Земли Санникова. Этим лейтенантом оказался Ф.А. Матисен. Командованием фрегата Бегичев был рекомендован Матисену как наиболее подходящая для такого предприятия кандидатура. Так произошел коренной поворот в жизни Бегичева, определивший всю его дальнейшую судьбу.

После «Герцога Эдинбургского» «Заря» ему не понравилась. Она показалась бравому боцману маленькой и грязной. Он энергично взялся за наведение порядка и быстро заслужил уважение всего состава экспедиции. Главной заботой Бегичева было выполнение боцманских обязанностей на судне. На зимовках круг его дел резко увеличивался, так как матросы привлекались к выполнению научных наблюдений и участию в санных маршрутах. Бегичев высказывал желание отправиться с Толлем на о. Беннетта, но получил отказ, мотивированный необходимостью его присутствия на судне. Кто знает, возможно, участие в этом походе такого человека, как Бегичев, позволило бы избежать трагического исхода.

Из-за тяжелых ледовых условий «Заря» не смогла пробиться к о. Беннетта и снять группу Толля. Судно вернулось в Тикси.

В 1903 году Бегичев принял участие в поисках пропавшей группы Толля. Вместе с руководителем поисковой партии А.В. Колчаком он сыграл здесь ведущую роль. Был принят план Колчака, подсказанный ему Бегичевым еще в Тикси. Суть его состояла в том, что небольшая группа спасателей переправится на собаках из Усть-Янска на Новосибирские острова и оттуда на

шлюпках доберется до о. Беннетта. Бегичев предложил использовать для похода вельбот «Зари».

Прибыв в апреле в Тикси, погрузили вельбот на две прочные норвежские нарты, запряженные двумя дюжинами собак, и отправились в Усть-Янск, а оттуда, запасшись продовольствием, двинулись через проливы к о. Котельный. Пополняя запасы продовольствия охотой, терпя тяжелейшие физические лишения, к концу мая добрались до южной оконечности острова, где встали на весновку в ожидании вскрытия моря. Она продолжалась два месяца, в течение которых ремонтировали и укрепляли вельбот, а главное, охотой и рыбной ловлей стремились создать хоть какие-то запасы продовольствия для себя и собак.

Наконец, в самом конце июля, перетащив вельбот через полосу припайного льда, спустили его на воду, поставили парус и двинулись вдоль берегов Котельного и Земли Бунге и о. Фаддеевский. На Фаддеевском пополнили запасы продовольствия и через Благовещенский пролив достигли о. Новая Сибирь.

Поход на о. Беннетта удалось начать лишь в середине августа. При полном штиле непрерывно гребли 12 часов, а когда подул южный ветер, смогли высадиться на большую льдину и плыть, как они выражались, «за казенный счет». Здесь же переночевали, но на следующий день, когда льдину стало относить к западу, были вынуждены спустить вельбот и продолжить путь за свой счет. Через 16 часов в тумане заметили темную линию, а когда туман рассеялся, открылась панорама острова со сверкающими в лучах солнца ледниками. Еще через 6 часов достигли берега.

После отдыха отправились на юго-западную оконечность острова, мыс Эммы, где по уговору Толль должен был оставить письмо. Нашли письмо

Толля и Зеберга, из которых выяснилось, что группа собирается сделать стоянку на восточном окончании острова. Придя туда, спасатели нашли стоянку и письмо Толля, адресованное президенту Академии наук. Главными для спасателей были последние слова письма о том, что их товарищи 8 ноября покинули остров и пошли на юг, к Новой Сибири. Запасов продовольствия у них было на 14 дней. Таким образом, стало ясно, что группа Толля погибла.

Путь назад проходил тяжело, но, по представлениям этих отважных людей, без особых приключений. К концу декабря все поисковые группы собрались в селе Казачье. Без потерь, но без Толля и его спутников. «За трехлетние труды и лишения», перенесенные за время участия в РПЭ и поисково-спасательной экспедиции, Бегичев был награжден золотой медалью с надписью «За усердие» для ношения на груди на Станиславской ленте.

В начале января в Якутске Бегичев узнал о начале войны с Японией и решил ехать на Тихий океан. Туда же направлялся Колчак, которым Бегичев восхищался

Никифор Алексеевич Бегичев

и за которым готов был следовать куда угодно. Во время поисков на о. Беннетта Бегичев спас Колчака, провалившегося под лед, от верной гибели, за что Колчак был ему безгранично благодарен.

Приехав в Порт-Артур, Бегичев получил назначение на миноносец «Бесшумный», на котором прослужил до окончания войны, завершившейся для него прорывом в корейский порт Циндао. Бегичев неоднократно участвовал в боевых действиях, был награжден Георгиевским крестом 4-й степени.

Возвратившись домой в Царев, Бегичев после недолгого отдыха заскучал по активной жизни и решил продолжить военную службу на Дальнем Востоке. По дороге во Владивосток он навестил своего товарища по экспедиции Толля С.М. Толстова, рассказавшего ему о своей работе в геологической экспедиции в Хатангском районе. Он настоятельно советовал Бегичеву попытаться счастья в этих местах. Встреча с Толстовым оказалась решающей для всей дальнейшей жизни Бегичева. Он решил сделать «небольшой» крюк и посмотреть, каков он, этот хваленый Туруханский край. Друзья добрались до Дудинки, где на занятые у Толстова деньги Бегичев купил балок, четверку оленей, восстановил 200 брошенных пастей (приспособление из бревен для ловли песцов) и занялся промыслом. Природные способности Бегичева к этому занятию, опыт охотника, полученный в РПЭ и спасательном отряде, быстро сделали его уважаемым человеком среди обитателей края. Вольная, не зависящая ни от кого жизнь сначала захватила Бегичева, но участие в РПЭ, общение с учеными и офицерами «Зари» и особенно с самим Толлем не прошли бесследно. Жизнь без какой-то идеи, цели уже не могла его удовлетворить. Рассказы аборигенов о внутренних областях Таймыра, горах Бырранга, побережье Ледовитого океана все больше склоняли Бегичева к мысли добраться до этих мест. Последней каплей послужил рассказ старого местного охотника об острове против устья Хатангского залива, куда не ступала нога человека. Местные жители не ездили туда, боясь «диких шайтанов». Бегичев знал, что в тех районах в первой половине XVIII века работали отряды Великой Северной экспедиции В.В. Прончищева и Х.П. Лаптева.

В январе 1908 года Бегичев с двумя товарищами выехал из Дудинки в Хатангу, а оттуда к устью Анабара. В апреле они прибыли на западный входной мыс Анабарского залива, и в солнечный день Бегичев в бинокль увидел этот таинственный остров. Получив опыт работы в РПЭ, он запасся буссолью и шагомером, необходимыми для съемки. В середине мая путешественники отправились на остров и достигли его на оленьих упряжках за 18 часов. К концу июня они обошли его и положили на карту. Попутно Бегичев занимался сбором геологических образцов и растений, с методикой которого он ознакомился в РПЭ. На юго-восточной окраине острова обнаружили старинное русское зимовье, к некоторому своему разочарованию поняв, что и до них здесь бывали люди. При обследовании острова Бегичев обнаружил выходящие на поверхность пласты хорошего угля, а также сделал открытие, которое впоследствии вызвало большой интерес у геологов: он наткнулся на выходы нефтеносных пород. С западной оконечности острова Бегичев увидел о. Св. Николая, а с северной — о. Преображения, которые запеленговал и посетил.

В мае Бегичев приехал в Петербург и представил свою карту начальнику Главного Гидрографического

управления А.И. Вилькицкому. Открытия Бегичева очень заинтересовали ГГУ, Геологический комитет и Академию наук. Для дальнейших исследований Бегичеву было дано письмо от АН о содействии, а ГГУ снабдило его винтовкой новейшего образца и некоторыми инструментами.

В 1910–1912 годах Бегичев продолжал заниматься промыслом на Анабаре, в летние месяцы посещал свой остров, но на зимовку там не оставался. Лето 1912 года он провел на родине, в Цареве, подумывал о том, чтобы прекратить свои полярные путешествия, но не нашел ничего, что бы его устроило. Жизнь в России, особенно в крупных городах, ему не нравилась. В конце сентября 1912 года Бегичев вернулся на Север, окончательно решив остаться там навсегда.

В феврале 1915 года на его имя пришла телеграмма от начальника ГГУ генерала М.Е. Жданко с просьбой организовать санную экспедицию на побережье Таймыра для вывоза в Дудинку или Гольчиху партии моряков гидрографической экспедиции Северного Ледовитого океана, суда которой «Таймыр» и «Вайгач» зимовали во льдах Карского моря северо-восточнее архипелага Норденшельда. Бегичев блестяще выполнил это задание, собрав с помощью местного населения санный поезд в 1000 оленей и совершив беспримерный, многотысячелометровый переход по тундре к назначенному месту. Оттуда он доставил моряков к устью реки Тарей.

После завершения этой экспедиции Бегичев некоторое время жил в Енисейске, а в 1917 году перебрался в Дудинку. Этот период для северян оказался чрезвычайно тяжелым: навигация была практически сорвана, снабжение прекратилось. Положение стало улучшаться лишь к 1919–1920 годам. Появились представители новой власти, началось строительство портовых сооружений для приема судов Карских товарообменных экспедиций, геологи отправлялись в тундру на разведку угольных месторождений. Бегичев понимал, что в этой ситуации нашлось бы прекрасное применение его опыту и знаниям Севера, но гордость не позволяла ему обратиться с предложением своих услуг. Он ждал, когда его позовут, и дождался. В марте 1920 года Норвегия обратилась к советскому правительству с просьбой оказать содействие в поисках участников экспедиции Р. Амундсена на судне «Мод» П. Тессема и П. Кнутсена, отправленных в 1919 году с почтой с места зимовки судна восточнее мыса Челюскина на о. Диксон и туда не прибывших. Поиски норвежцев с моря успехом не увенчались, и решено было искать их по суше. Лучшей кандидатурой для организации поисков, естественно, был Бегичев. К нему обратилось руководство Комитета Северного морского пути, и Бегичев дал свое согласие. Согласно плану поисков, ему нужно было прийти на Диксон, взять оттуда двух норвежских участников и двигаться вдоль побережья к мысу Вильда, где Тессем и Кнутсен должны были оставить сообщение. Экспедиция, разделенная Бегичевым на три группы с общим количеством в 500 оленей, вышла из района Дудинки 1 апреля. Претерпев колоссальные трудности, группа Бегичева 4 июня добралась до Диксона и уже через четыре дня двинулась по маршруту. 27 июля они достигли мыса Вильда и нашли сообщение норвежцев, датированное ноябрем 1919 года. Из него следовало, что моряки находятся в хорошем состоянии и направляются на Диксон. Теперь спасателям, уже проделавшим немаловажный путь, нужно было искать норвежцев, двигаясь вдоль побережья и обходя бесчисленные за-

ливы, бухты и лагуны от мыса Вильда до Диксона. Трудно себе представить, что человек способен на такое, но ни у одного из них не возникло мысли прекратить поиски. По дороге они находили следы костров, брошенные нарты. Не доходя до Пясинского залива, на мысе Приметном Бегичев обнаружил следы костра и в нем обгоревшие кости, пуговицы, пряжки, ружейный и винтовочные патроны и другие мелкие предметы. Спасатели пришли к выводу, что это место гибели одного из норвежцев, которого второй, не имея сил захоронить, сжег на костре. Сфотографировав находки и взяв часть предметов с собой, они захоронили кости и воздвигли над ними крест с указанием даты. Не теряя времени, двинулись дальше на поиски второго норвежца. Надвигалась осень, силы покидали и людей, и оленей, кончались припасы. В конце августа с колоссальными трудностями переправились через устье Пясины. В сентябре начались сильные, продолжительные метели, и стало ясно, что продолжать в этих условиях поиски бесполезно. Отряд повернул на юг и через месяц, в середине октября достиг Дудинки.

В следующем 1922 году Бегичев принял участие в экспедиции Н.Н. Урванцева, занимавшегося разведкой угольных месторождений для нужд Северного морского пути. Отряд спустился по Пясине до устья и двинулся на лодке вдоль побережья на запад. Не доходя 90 км до Диксона, 9 августа они обнаружили стоянку норвежцев с массой брошенных предметов и, главное, почтой Амундсена. Сделав опись предметов и собрав все бумаги, отряд под парусом отправился на Диксон. Занявшись в ожидании парохода охотой на оленей, Бегичев 28 августа переправился с двумя товарищами на материк и у подножия небольшого мыса обнаружил человеческий скелет. По найденным около скелета вещам было решено, что это скелет

П. Тессема. Скелет был захоронен тут же, а позднее на могиле сооружен памятник. За свое участие в поисках пропавших норвежцев Бегичев и Урванцев были награждены норвежским правительством золотыми часами.

К середине 1920-х годов жизнь на Красноярском севере стала налаживаться после разрухи и развала, вызванных революцией и гражданской войной. Набирали силу местные органы власти, возобновлялось централизованное снабжение населения, велись крупные изыскательские и строительные работы. Большую положительную роль в этом сыграли морские Карские экспедиции. Открывалось широкое поле деятельности для активных и предприимчивых людей. Честолюбивый, всегда стремившийся быть первым Бегичев представил масштабный план промыслового освоения Карского побережья от Диксона до архипелага Норденшельда, предлагая организовать централизованную сеть промысловых зимовок. Действовавший всегда в одиночку, на этот раз он решил, что реализация подобного плана под силу хорошо организованному артелям креп-

ких и умелых промышленников. Его план был одобрен властями Дудинки и кооператорами, но начать было решено с одной артели на Пясине, которую предложили возглавить самому Бегичеву. Он отобрал пятерых, как ему казалось, самых надежных людей, позднее к ним присоединился еще один местный житель, ставший для артели настоящей обузой.

Дело не пошло с самого начала. Выйти из Дудинки удалось лишь в середине июня в самый разгар распутицы. Двигаясь очень медленно, с частыми остановками и задержками, промышленники добрались до места зимовки в устье Пясины лишь в начале августа. Для того чтобы выполнить в срок все намеченное, была необходима сложная, безостановочная работа всего коллектива, но Бегичеву не удалось создать дружный коллектив единомышленников: людей приходилось подбадривать, уговаривать, заставлять, наказывать. Да и силы самого Бегичева были уже не те. Ему шел шестой десяток, давали себя знать годы, проведенные в тяжелых полярных экспедициях. В итоге к зиме подошли с недостроенными домом и печью,

дефицитом топлива и запасов продовольствия. Артельщики то впадали в уныние и апатию, то, приободренные возможной помощью с Диксона, переставали экономить продукты. Не удалось Бегичеву и организовать правильный досуг, а безделье, скука и малая подвижность на зимовках — главные союзники болезней. В феврале на зимовке появилась цинга, и больше всех страдал от нее сам Бегичев, бывший опорой коллектива. Помимо всего прочего, сказывалось, по-видимому, и его моральное состояние. Для честолюбивого, привыкшего к удачам и победам Бегичева было невыносимым сознание того, что затеянное им предприятие терпит провал. Он слабел с каждым днем и в апреле почти перестал подниматься с постели. В начале мая один из

зимовщиков был послан на Диксон, но, когда он вернулся с продуктами, Бегичев уже умер. Перед самой его смертью удалось убить первого оленя, но больной уже отказывался принимать пищу. Он умер 18 мая и был похоронен возле зимовья. На могиле поставили крест с надписью: «Под сим крестом покоится прах известного путешественника Севера и инициатора промысловой группы Бегичева Никифора Алексеевича, скончавшегося 18 мая 1927 года, на 53 году 5 месяцев от роду. Вечная память дорогому праху».

В материковом поселке Диксон в 1964 году Бегичеву поставлен памятник.

Именем Бегичева названы два острова (Большой и Малый Бегичев) мористее Хатангского залива, остров (Бегичевская Коса) в дельте реки Пясины на Таймыре и озеро севернее бухты Марии Прончищевой на Таймыре.

Памятник Н.А. Бегичеву в Диксоне

*Г.П. Аветисов (ВНИИОкеангеология).
Фото предоставлены автором*